

Маленький грузовик дяди Чэня, в кузове которого, помимо прочих, находились Лу Цинцзю, Инь Сюнь и четверо поросят, трясся в сторону деревни Шуйфу.

Прибыв домой, Лу Цинцзю поместил поросят в заранее приготовленный свинарник, устланный толстым слоем свежей соломы. По словам Инь Сюня, свиньи любят чистоту, и только в комфортных условиях они набирают вес.

В свинарнике для поросят было все необходимое: чистая вода и корм. Два розовых поросенка, восторженно виляя хвостиками, тут же принялись за еду. Черные же, словно нерешительные, замерли у входа.

«Что такое? — Лу Цинцзю с любопытством окликнул их. — Не нравится новое жильё?»

Большой черный поросенок, словно в ответ, мотнул головой и тоненьким копытцем указал на розовых, увлеченных трапезой.

«Не хотите жить вместе с ними?» — предположил Лу Цинцзю.

Черный поросенок хрюкнул.

«Ты вообще свинья? — подозрительно спросил Лу Цинцзю. — Или, может, человек, которого превратили в свинью?»

Черный поросенок смотрел на него с невинным выражением, словно не понимая. Лу Цинцзю был почти уверен, что поросенок притворяется. В конце концов, будь они людьми, они бы не стали изображать глупость, а немедленно бы все объяснили.

Лу Цинцзю на мгновение задумался, затем взял кусок дерева и отгородил черных поросят от розовых. Только тогда черные, наконец, нерешительно вошли в свинарник и улеглись на солому.

Лу Цинцзю больше не обращал на них внимания и отправился домой. Инь Сюнь хлопотал на кухне, разбирая покупки.

«Что будем есть на ужин?» — спросил Лу Цинцзю.

«Всё равно, — безразлично ответил Инь Сюнь. — Я пойду за овощами, давай приготовим хого*».

[Китайский способ приготовления горячих блюд из овощей, мяса и др.]

«Отличная идея, — согласился Лу Цинцзю. — Я сварю бульон... Кстати, где ты берешь корм? Или только комбикорм?»

«Можно попросить амброзию у деревенских, — подсказал Инь Сюнь. — Они за корзину берут пять мао (5 цзяо=половине юаня*), и тебе не придется идти в гору. А комбикорм — это сложно, там нужны всякие витамины, да и если перекормить, свиньи станут невкусными и могут заболеть».

Лу Цинцзю кивал, запоминая.

«Я за овощами, ты готовь бульон», — Инь Сюнь направился к полям.

Лу Цинцзю положил в кастрюлю кости и немного купленного на рынке мяса, поставил на плиту и начал готовить. В старом доме был холодильник, но он плохо работал. Остальные продукты Лу Цинцзю убрал на всякий случай. Когда он вышел во двор, чтобы помыть овощи, неожиданно услышал громкий всплеск, будто что-то тяжелое упало в воду.

Звук донесся из внутреннего двора. Лу Цинцзю замер, а затем, внезапно вспомнив о чем-то, бросил овощи и бросился во внутренний двор.

Там царил беспорядок. Четыре угла двора заросли иссохшими деревьями и сорняками, а стены были покрыты паутиной. Посреди всего этого темнел колодец.

Лу Цинцзю отчетливо слышал звук падения. Испугавшись, что в колодец упал ребенок, он подбежал к нему и отчаянно взгляделся в темноту.

Дно колодца было невозможно разглядеть. Лу Цинцзю позвал, но из глубины не донесся ни звук.

«Есть здесь кто-нибудь? — крикнул Лу Цинцзю. — Кто-нибудь упал в воду? Отзовитесь, если вы здесь?»

В колодце стояла мертвая тишина.

Лу Цинцзю позвал еще раз, но ответа не получил. Он начал думать, что в колодец упало что-то большое, когда вдруг услышал голос Инь Сюня: «Цзю-эр? Цзю-эр? Ты где?»

«Внутренний двор», — крикнул Лу Цинцзю в ответ.

«Что ты там делаешь? — Инь Сюнь подошел к входу во двор, держа в руке надкусанный огурец.

— Я вернулся с овощами, огурец очень сладкий...»

Лу Цинцзю обернулся к колодцу: «Я услышал, как что-то упало. Подошел посмотреть».

«И что, упало?» — Инь Сюнь, стоя на расстоянии, с любопытством наблюдал за Лу Цинцзю.

«Нет», — ответил Лу Цинцзю.

«Ну и ладно, — Инь Сюнь улыбнулся. — Может, детишки камни кидали, один случайно и угодил».

Лу Цинцзю подумал, что если человек не упал, то и суетиться не стоит. Он покинул внутренний двор и подошел к Инь Сюню. Вместе они вернулись во внешний двор. Инь Сюнь, откусив еще кусок огурца, хрустнул им и сказал, приглушив голос: «У тебя что-то на спине».

«На спине? — Лу Цинцзю повернул голову. — Что там?»

Инь Сюнь протянул руку и снял с его спины что-то темное. «Это...»

Лу Цинцзю посмотрел на предмет в руке Инь Сюня. Это был комок темных волос, прилипший к его спине.

«Волосы?! Черт побери! — Инь Сюнь в ужасе отбросил их. — Фу, как отвратительно!»

Лу Цинцзю молча направил взгляд на колодец во внутреннем дворе, и в его сердце зародилось мрачное подозрение.

«Не бойся, все нормально, — успокаивал Инь Сюнь. — Деревня глухая, всякое случается...»

Лу Цинцзю занервничал: «Всякое? Например?»

Инь Сюнь ненадолго замолчал, а затем тихо сказал: «Прошлым летом ребенок из семьи Лю утонул».

«Утонул? — Лу Цинцзю растерялся. — В том ручейке? Он же мелкий?» Они часто там бывали, ручей был по колено, без течения и водорослей. Даже упав, выбраться было легко.

«Нет, — ответил Инь Сюнь, — если бы в ручье, то это было бы обычным делом. Он утонул в лесу».

Лу Цинцзю непонимающим голосом повторил: «В лесу?»»

«Да, — Инь Сюнь понизил голос. — Там, где воды нет. Семья Лю обратилась в полицию, и они официально зарегистрировали случай утопления».

«И что в итоге? — спросил Лу Цинцзю. — Как закончилось расследование?»

«Как обычно, — Инь Сюнь пожал плечами. — Просто записали. Такие странные случаи происходят и в других деревнях, но редко, один-два за несколько лет».

Лу Цинцзю молчал. Он сталкивался с подобными случаями в городе, но никогда не думал, что дома его будут ждать такие же странности.

«Так что, если что-то такое увидишь, — посоветовал Инь Сюнь, — лучше сделай вид, что ничего не заметил. Не видел - не беспокойся».

Лу Цинцзю про себя подумал: Так ли используется выражение «глаз не видит, душа не болит»?

Инь Сюнь передал Лу Цинцзю огурец. Присев на корточки во внешнем дворе, они принялись мыть овощи. Огурец оказался на редкость вкусным - хрустящий, сладкий, без малейшего намека на горечь, и сочный, словно фрукт. Съев его, Лу Цинцзю почувствовал себя немного лучше и спросил: «Ты когда-нибудь сталкивался с чем-нибудь странным?»

Инь Сюнь ухмыльнулся, вновь обнажив свой милый тигриный зуб: «Возможно, но никогда не придавал этому значения».

...Действительно приятно иметь крепкие нервы.

Они закончили мыть овощи, которых Инь Сюнь собрал немало. Лу Цинцзю положил в кипящий костный бульон основу из специй для хого, купленную в городе*. Как только бульон закипел, он отнес кастрюлю во двор. Двое мужчин открыли несколько банок пива и, предвкушая трапезу, принялись с наслаждением потягивать прохладительный напиток, уплетая мясо с овощами.

Блюдо было простым, но свежесть ингредиентов делала его весьма аппетитным. Густой аромат мясного бульона разливался по всему двору. После нескольких глотков щеки Инь Сюня порозовели - он выглядел слегка пьяненьким.

Лу Цинцзю тоже чувствовал себя довольно пьяным. Он давно не пил, в своей повседневной жизни постоянно задерживаясь на работе, и не находил времени для встреч с друзьями. Он чувствовал себя здесь, в этом старом доме, так уютно, не думая о завтрашнем рабочем дне. Как

только эта мысль промелькнула, он увидел, как Инь Сюнь внезапно поднял руку, указывая на что-то позади него. Друг невнятно пробормотал: «Как... как темно».

«Что? — переспросил Лу Цинцзю. — Мы разве не включали свет?»

Инь Сюнь наклонил голову, на его лице читалось крайнее недоумение: «Но все равно очень темно».

Лу Цинцзю был уверен, что Инь Сюнь просто сильно пьян. И лишь когда он повернул голову, чтобы посмотреть, куда указывал друг, он понял смысл его слов. Неподалеку стояла темная фигура. Этот человек был подобен черной дыре, притягивающей взгляды, от него невозможно было оторваться.

«Знаешь, чего я боюсь больше всего?» — прошептал тихий женский голос совсем у его уха.

Возможно, алкоголь успокоил его нервы, но Лу Цинцзю на удивление не ощутил страха. Смотря на эту копну темных волос, он услышал, как женщина вновь задала свой вопрос.

«Знаешь, чего я боюсь больше всего?» — черноволосая голова приблизилась к нему.

Губы Лу Цинцзю едва заметно шевельнулись: «Твой самый большой страх...»

«Ну?»

«Это... это страх облысеть?» — произнес пьяный Лу Цинцзю.

Он говорил совершенно серьезно, будучи уверенным в безупречности своего ответа. В конце концов, откуда еще у женского призрака столько волос? Сказав это, он даже погладил собственные волосы с легким меланхолическим вздохом: «К счастью, я вовремя уволился, иначе тоже не избежал бы этой участи...»

Черная фигура слегка вздрогнула, возможно, от шока, вызванного ответом Лу Цинцзю. Кто знает. За столько лет она впервые услышала нечто подобное. Мужчина перед ней выглядел одновременно чистым и искренним, совершенно не похожим на тех расчетливых и вульгарных людишек, с которыми ей доводилось иметь дело.

Черная фигура хотела что-то сказать, но в этот момент двор начал окутывать густой темный туман. Женщина-призрак почувствовала это и в следующее мгновение стремительно исчезла из поля зрения Лу Цинцзю, оставив после себя лишь влажное пятно на земле.

Лу Цинцзю явно перебрал с выпивкой, иначе бы это видение не исчезло так просто. Сидевший напротив Инь Сюнь весело открыл еще одну бутылку пива и наполнил его стакан.

«Пей, — пробормотал он, — выпьем еще...»

Лу Цинцзю схватил стакан и осушил его одним глотком, говоря: «Пьем?»

Что произошло дальше, он помнил смутно. Очнулся он только на следующее утро. Они с Инь Сюнем провели всю ночь во дворе. Встав, они почувствовали невыносимую боль в спине, словно она вот-вот развалится. Голова от похмелья гудела так, будто вот-вот взорвется. Лу Цинцзю рассеянно поднялся с земли и толкнул Инь Сюня, который спал рядом в поистине безобразной позе.

«Ай... Айя... — едва открыв глаза, Инь Сюнь начал стонать от боли. — У меня все тело болит, Цзю-эр, ты, что ли, вчера ночью, воспользовавшись моим пьяным состоянием, отколотил меня?»

Лу Цинцзю: «...У меня тоже все болит, ясно?»

«Все тело ноет, особенно задница, — Инь Сюнь потер ушибленное место, подозрительно глядя на Лу Цинцзю. — Ты точно ничего со мной не делал прошлой ночью?»

Лу Цинцзю: «В доме есть зеркало, походи посмотришься в него и приди в себя».

Инь Сюнь: «Я красавчик».

Лу Цинцзю: «Хреновый ты красавчик, твое лицо так распухло, что ты похож на свинью».

Лицо Инь Сюня выражало крайнее недоверие. Он поплелся в дом, чтобы найти зеркало, висевшее в туалете. Вскоре Лу Цинцзю услышал его крик: «Лу Цинцзю, когда я спал прошлой ночью, ты, блядь, избил меня?»

Лу Цинцзю: «Я этого не делал!»

Инь Сюнь: «Тогда почему у меня лицо распухло, а у тебя нет?»

Лу Цинцзю: «Может, потому что я такой красавец».

Инь Сюнь: «...Ты действительно бесстыжий».

Однако, несмотря на шутки, внезапно распухшее лицо Инь Сюня вызывало беспокойство. Опершись друг на друга, они, пошатываясь, направились в деревенскую клинику. Увидев изможденные лица обоих, серьезные деревенские жители расплывались в улыбках, шутливо спрашивая, не пытались ли они вчера ночью совершить ограбление и были избиты за это.

Инь Сюнь изобразил плачущее лицо: «Тетя, пожалуйста, не смейтесь над нами».

Добравшись до клиники, после краткого осмотра врач заключил, что у Инь Сюня, скорее всего, аллергическая реакция на что-то. Его не били, и Лу Цинцзю наконец-то был оправдан.

«У меня аллергическая реакция на что-то? — Инь Сюнь не понимал. — Разве я ел что-то не то, что обычно?»

Подумав немного, Лу Цинцзю неуверенно ответил: «Может, у тебя основу из специй для хого?»

Глаза Инь Сюня расширились, рот открылся: «Нет! У меня может быть аллергия на такой продукт, как основа для хого??»

«Есть такая возможность, — Лу Цинцзю задумался на мгновение. — В этом бульоне было довольно много специй, возможно, у тебя аллергия на одну из них... Конечно, это всего лишь предположение, ты первый человек в моей жизни с аллергией на основу для хого».

По лицу Инь Сюня скатилось несколько слезинок печали.

Врач, видя, что состояние Инь Сюня не столь серьезно, прописал ему лекарство. Он заверил, что все будет в порядке, если в течение следующих двух дней избегать контакта с аллергеном.

После этого оба «инвалида» заковыляли домой.

Вернувшись, Лу Цинцзю пролежал полдня в постели, прежде чем почувствовал себя немного лучше. Убираясь во дворе, он посмотрел в сторону внутреннего двора, на мгновение задумался, но не смог ухватить нить мысли. Ничего не приходило на ум, и он не стал утруждать себя размышлениями, вероятно, это было что-то незначительное.

Приведя дом в порядок и быстро перекусив, Лу Цинцзю замочил семена в теплой воде, решив посадить их во второй половине дня. Замачивание семян в теплой воде ускорит их прорастание, как говорил Инь Сюнь. Подготовив семена, он отправился к соседям и случайно наткнулся на соседского мальчика, который сидел во дворе и плел веревки из пеньки. Соседи знали Лу Цинцзю с детства и были очень близки с его бабушкой, поэтому на второй день после возвращения Лу Цинцзю домой они прислали ему корзину сладкого картофеля. В ответ Лу Цинцзю искренне поблагодарил их.

«Сяо Лу, что случилось?» — спросил его сосед, дядя Ли.

«Могу я спросить, не занят ли Сяоюй? — сказал Лу Цинцзю. — Мне нужно собрать немного амброзии».

Сяюй – соседский мальчик, полное имя Ли Сяюй. Услышав слова Лу Цинцзю, он поспешно кивнул, отбросил в сторону пеньковую веревку и сказал: «У меня совсем нет дел, сколько корзин вам нужно?»

«Парочки будет достаточно, — Лу Цинцзю подумал, что в этом возрасте Ли Сяюй уже должен ходить в начальную школу. — А место, куда ты ходишь собирать амброзию, неопасно? Нормально ли для маленького ребенка туда ходить?»

«Все в порядке, — дядя Ли, услышав вопрос, рассмеялся и невозмутимо сказал: — Он знает это место с детства. Эй, когда ты собираешься поблагодарить своего брата Лу?»

«Спасибо, брат Лу», — Ли Сяюй взволнованно встал. Было ясно, что этот маленький ребенок рад получить карманные деньги, да и родители его не возражали.

«Разве ты не ходишь в школу?» — спросил Лу Цинцзю.

«Это же только утром, — дядя Ли отмахнулся от его беспокойства. — В любом случае, в будущем он просто станет фермером, какой толк ходить в школу. Ведь не все же могут быть такими, как ты, и поступить в университет».

Лу Цинцзю дал Ли Сяюю два юаня. Тот, прихватив бамбуковую корзину и серп, в приподнятом настроении отправился по назначению.

Глядя, как его спина медленно исчезает вдаль, Лу Цинцзю ощутил легкое замешательство от его слов, но больше к этому вопросу не возвращался. В конце концов, это были чужие семейные дела, и вмешиваться было бы неуместно.

Затем Лу Цинцзю, взяв размоченные в теплой воде семена, принялся за посадку. Он не стал сажать много, основную массу составляли огурцы, помидоры и прочая зелень, овощи, привычные для повседневного стола. Несколько картофельных клубней тоже нашли свое место в земле.

Это был его первый опыт в качестве земледельца, поэтому Лу Цинцзю не слишком заморачивался, просто высаживая то, что ему хотелось. Как сказал Инь Сюнь, если урожайность не беспокоит и продавать ничего не планируется, то и нет смысла прилагать чрезмерные усилия.

Едва Лу Цинцзю успел засадить меньше половины му земли, как небо уже почти полностью заволочло темнотой. Он сильно вспотел, одежда насквозь промокла. Лу Цинцзю вздохнул, всей душой поняв, сколько труда, крови и слез фермер вкладывает в каждое зернышко риса.

Заметив, что становится совсем темно, он отправился домой, принял душ, переоделся и поставил в пароварку вчерашние булочки, чтобы разогреть их к ужину.

Едва булочки были почти готовы, как в дверь постучали. Открыв, Лу Цинцзю увидел Ли Сяюя, вернувшегося с горы с корзиной амброзии. С широкой улыбкой он протянул: «Брат Лу, я помог тебе нарвать амброзии. Я свободен и могу помочь со свиньями, хорошо?»

Лу Цинцзю только собирался отказаться, как малыш уже бросился к свинару, и остановить его было невозможно.

Беспомощно вздохнув, Лу Цинцзю вернулся в дом. Он собрал для малыша несколько паровых булочек и, немного подумав, достал из чемодана плитку шоколада.

Лу Цинцзю направился к свинару. Не доходя до него, он услышал взволнованный возглас Ли Сяюя: «Брат Лу, почему твоя свинья такая милая?»

Любопытный Лу Цинцзю подошел и увидел, как черный поросенок, которого расхваливал Ли Сяюй, гордо выпятил грудь, явно демонстрируя: «Малыш, у тебя хороший вкус».

Лу Цинцзю: «...» Почему он мог понять выражение морды свиньи?

«А я могу дать им имена?» — Сяюй повернулся к Лу Цинцзю.

«...» Мысленно представив печальную участь Инь Сюня, но столкнувшись с полными надежды глазами Ли Сяюя, Лу Цинцзю лишь подумал, что когда придет время, придется готовить очень вкусную тушеную свинину. «Хорошо».

«Тогда тебя будут звать Сяо Хуа», — Ли Сяюй указал на большую свинью.

...Неужели это судьба? Лу Цинцзю попытался осторожно возразить: «Зачем называть её Сяо Хуа (Цветочек)? Может, другое имя?»

Ли Сяюй ответил: «Но у нее же цветы на спине». На спине у свиньи виднелся слой мягкого пуха с узором, напоминающим беличий, с пятнышками коричневого и черного.

Лу Цинцзю: «...» Он определенно не мог с ним спорить.

«А тебя будут звать Сяо Хэй, — Ли Сяюй дал имя поменьше. — Вы двое - самые милые свиньи, которых я когда-либо видел!»

Лу Цинцзю подумал, что они также могут быть самыми вкусными...

Ли Сяюй с удовлетворением наблюдал, как Сяо Хуа и Сяо Хэй уминают еду, их животики надуваются, и доложил Лу Цинцзю. Затем он застенчиво спросил, можно ли будет навещать их

снова, когда он будет собирать амброзию. Лу Цинцзю кивнул в знак согласия и вручил Ли Сяоюю булочки и шоколад.

Проводив ребенка взглядом, Лу Цинцзю посмотрел на Сяо Хуа, который теперь обхаживал Сяо Хэя, и сказал: «Сяо Хэй, Сяо Хуа, вы должны хорошо расти».

Сяо Хуа: «...С кем ты разговариваешь? Какого черта, кого зовут Сяо Хуа??» Как такой выдающийся самец мог принять такое имя!

Сяо Хэй: «...» Что-что? О чем говорит брат? Хм... амброзия такая вкусная, хрум-хрум.

Сяо Хуа: «Ты все еще жрешь, как будто от этого зависит твоя жизнь, когда растолстеешь, тебя убьют первой!»

Сяо Хэй почувствовала себя глубоко оскорбленной: «Брат, ты такой жестокий... А ведь ты сам только недавно с удовольствием ел».

Сяо Хуа: «Заткнись! Больше ни слова!»

Стоявший рядом Лу Цинцзю, естественно, не мог понять разговор двух маленьких черных свиней, он слышал лишь набор хрюканья. Он просто принял это за выражение их послеобеденного счастья. Вернувшись в старый дом, он подумал, что когда появится время, обязательно купит несколько цыплят, чтобы во дворе стало оживленнее...